

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЗЕРКАЛО
ДУШИ

Сергей Патрушев

Зеркало души

<https://litres.ru/74322469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая художница Алиса переживает творческий и личностный кризис. Однажды она замечает, что её отражение в старинном антикварном зеркале живёт собственной жизнью, а вскоре зеркало затягивает её вглубь в таинственное Зазеркалье, которое оказывается картой её собственной души. Там Алису ждут встречи с забытыми мечтами, подавленными страхами и тёмной стороной личности, которую она так долго отрицала.

Каждое возвращение в реальность меняет её жизнь всё сильнее, пока Алиса не понимает: зеркало не проклятие, а инициация, древний обряд посвящения в Проводники тех, кто способен видеть души других людей, но у дара есть цена.

Бывшая Проводница по имени Мара, не сумевшая принять свою тьму, жаждет украсть у Алисы её целостность. Теперь Алисе предстоит последнее путешествие в Лабиринт Чужих Отражений, чтобы вернуть украденные души, защитить близких и окончательно принять себя со всеми тенями и светом.

Содержание

Глава 1. Трещина	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Зеркало души

Глава 1. Трещина

Дождь в этом городе никогда не заканчивался внезапно. Он просто истончался, превращаясь из плотной стены ливня в мелкую, почти невидимую взвесь, которая оседала на волосах, одежде и стеклах, делая мир похожим на размытую акварель. Алиса стояла у окна своей мастерской, наблюдая, как капли, подгоняемые порывами ветра, разбиваются о карниз, и чувствовала, как внутри неё самой что-то такое же вязкое и серое, как это октябрьское небо, медленно оседает на дно. Заказы, галерея, необходимость быть "в потоке", "на связи", "в тренде" — всё это давило, лишая воздух кислорода. Ей казалось, что она живет в режиме постоянной нехватки времени, разменивая свой талант на крошечные, ничего не значащие скетчи для рекламных буклетов. Деньги, конечно, были нужны, но они не стоили того опустошения, которое она испытывала каждый вечер, глядя в потухший экран ноутбука.

Сегодня была среда. День, который Алиса ненавидела

больше всего. Не понедельник с его тяжеловесным стартом, не суетливый четверг и не тревожный вечер воскресенья. Среда — это экватор, момент, когда сил уже нет, а конца недели ещё не видно. Она отошла от окна и окинула взглядом комнату. Мастерская, которую она снимала на первом этаже старого дома в тихом переулке, была завалена начатыми и брошенными работами. Холсты, прислоненные к стенам, смотрели на неё чистыми, нетронутыми поверхностями, а те, что были лишь набросаны углем, казались немым укором. В воздухе стоял запах скипидара, пыли и старого дерева — привычная атмосфера запустения и творческого бессилия.

Алиса провела ладонью по лицу, чувствуя, как кожа кажется натянутой и сухой. Она не спала нормально уже несколько недель. Сон стал роскошью, которую она не могла себе позволить. Вместо этого — бесконечные ночи перед экраном, попытки поймать ускользающее вдохновение, поиск себя в чужих работах, зависть к тем, кто, казалось, творил легко и без усилий. Алиса знала, что это иллюзия, что у каждого художника свои демоны, но в моменты слабости эта мысль не приносила утешения. Она чувствовала себя пустой, выжатой, как тубик с краской, из которого выдавили последнюю каплю, а теперь он валяется на полу, никому не нужный.

Её взгляд упал на большое зеркало в тяжелой, потемневшей от времени раме, стоявшее в углу. Оно принадлежало прежней хозяйке мастерской, чудаковатой старушке, которая переехала в дом престарелых, оставив большую часть мебели. Алиса не любила его, но не решалась выбросить: в раме чувствовалась порода, дорогая резьба, а стекло, хоть и подернутое легкой патиной возраста, имело ту глубину, которой не бывает у современных зеркал. Оно стояло неудобно, занимая много места, но придавало помещению некую богемную театральность. Алиса иногда ловила себя на мысли, что это зеркало — как старый актёр, доигрывающий свою роль в пустом театре. Оно помнило времена, когда в мастерской кипела жизнь, когда сюда приходили заказчики, когда стены слышали разговоры о живописи, музыке, поэзии. Теперь же оно отражало лишь усталую женщину, потерявшую веру в собственный дар.

Алиса обычно избегала смотреть в него. Ей казалось, что оно как-то по-особенному искажает реальность, придавая всему оттенок тлена и увядания. Но в этот серый, тусклый день, погруженная в собственные мысли о тщетности бытия и коммерческом провале очередного проекта, она машинально подошла к нему, чтобы поправить выбившуюся из пучка прядь волос.

Сначала она не увидела ничего необычного. Усталое ли-

цо, бледная кожа, темные круги под глазами — привычная маска вымотанного городского жителя. Она подняла руку, чтобы заправить прядь за ухо, и тут её рука замерла. В глубине зеркала, там, где по всем законам физики должно было отражаться окно с серым дождем и размытыми крышами соседних домов, она увидела нечто иное.

Это была не игра света и тени. Не блик и не оптический обман. За её плечом, вместо привычной картины заоконного пространства, проступала другая реальность. Сквозь мутную пелену, словно сквозь толщу грязного аквариумного стекла, проглядывал сад. Густой, влажный, живой сад, окутанный тяжелым сизым туманом. Ветви деревьев, казалось, колыхались, сгибаемые неощутимым в мастерской ветром. Листва была невероятно зеленой, насыщенной, какую увидишь только в разгар лета после грозы. Туман струился между стволами, и где-то в его глубине, как ей показалось, мелькнул силуэт — не то человека, не то зверя. Он был лишен четких очертаний, словно сотканный из того же тумана, но его присутствие ощущалось почти физически.

Алиса резко обернулась, сердце пропустило удар. За её спиной было всё то же окно, всё тот же дождь, всё та же тоскливая серость. Она снова повернулась к зеркалу. Сад исчез. На неё смотрело её собственное отражение, бледное, с широко распахнутыми от страха глазами. В мастерской было

тихо, только едва слышно гудел холодильник в маленьком закутке, отведенном под мини-кухню.

— Нервы, — сказала она вслух, и её голос прозвучал в пустой комнате чересчур громко. — Просто нервы. Мне нужно отдохнуть.

Она знала, что это правда. Последние несколько недель она спала по четыре-пять часов, работая над тремя проектами одновременно. В её рационе было слишком много кофе и слишком мало нормальной еды. Галлюцинации от переутомления — дело известное. Нужно было просто выпить успокоительного и лечь пораньше. Алиса отошла от зеркала, стараясь не смотреть в его сторону, но оно, казалось, теперь занимало все её мысли, притягивая к себе взгляд, как заноза в пальце.

Она попыталась вернуться к работе. Взяла кисть, выдавила на палитру немного ультрамарина и белил, но мысль о небе за окном вызывала отторжение. Она не могла нарисовать эту серость. Перед её внутренним взором всё ещё стоял тот невозможный, колдовской зеленый цвет. Цвет, которого в этом каменном мешке просто не могло быть. Цвет, который манил и пугал одновременно.

Алиса долго сидела перед чистым холстом, держа кисть

на весу, но так и не прикоснулась к поверхности. Мысли её путались, разбегались, возвращались к увиденному в зеркале. Она пыталась убедить себя, что это была иллюзия, что её мозг, измученный недосыпом и стрессом, просто сыграл с ней злую шутку. Но где-то в глубине души, там, где живут иррациональные страхи и детские суеверия, шевелилось сомнение. Что, если это не галлюцинация? Что, если зеркало действительно показало ей нечто, что существует за гранью обычного восприятия?

Она заставила себя встать и подойти к зеркалу снова. На этот раз она двигалась медленно, осторожно, как хищник, подкрадывающийся к добыче. Зеркало отражало её приближение, и в его глубине не было ничего необычного — только она сама, бледная, взволнованная, с кистью в руке. Алиса остановилась в полуметре от стекла и вгляделась в собственное отражение. Глаза её были широко открыты, зрачки расширены. Она видела каждую морщинку, каждую пору на своей коже. Всё было на месте. Всё было правильно.

И всё же... Что-то было не так. Что-то ускользало от её внимания, какая-то мельчайшая деталь, которую она не могла уловить. Алиса наклонилась ближе, почти касаясь носом стекла. Её отражение сделало то же самое. Она смотрела в собственные глаза, пытаясь увидеть в них хоть какой-то признак чужого присутствия. Но глаза были её собственные —

усталые, покрасневшие, с лопнувшими сосудами. Ничего чужого. Ничего странного.

Алиса отступила, выдохнула и попыталась успокоиться. Она решила, что сегодня больше не будет работать. Нужно было уйти из мастерской, сменить обстановку, проветрить голову. Она начала собираться, машинально бросая в сумку вещи, которые могли понадобиться дома. Но прежде чем уйти, она снова бросила взгляд на зеркало. Оно стояло в углу, молчаливое и неподвижное, но Алисе казалось, что оно наблюдает за ней. Что оно ждет, когда она уйдет, чтобы снова показать тот невозможный сад.

Прошло два часа. Алиса так и не смогла заставить себя работать. Вместо этого она бесцельно листала ленту в телефоне, пытаясь заглушить тревогу потоком бессмысленного контента. Но тревога не уходила, она пульсировала где-то под сердцем, то затихая, то усиливаясь. Каждый скрип старого дома, каждый звук с улицы заставлял её вздрагивать. Ей казалось, что за ней наблюдают. Что зеркало, даже когда она стоит к нему спиной, продолжает жить своей, потаенной жизнью.

Она вспомнила, что старушка, прежде чем уехать, как-то обмолвилась, что зеркало это "с характером". Тогда Алиса не придавала этому значения, списав на старческое чудачество.

Но теперь слова эти всплыли в памяти, и она не могла отделаться от мысли, что в них было нечто большее, чем просто суеверие. Что, если прежняя хозяйка знала о зеркале нечто, чего не знала Алиса? Что, если именно поэтому она так легко оставила его здесь?

Эти мысли были абсурдны, но они не отпускали. Алиса чувствовала, как её рациональность, обычно надежная броня, начинает давать трещины. Она поймала себя на том, что прислушивается к звукам, доносящимся из угла, где стояло зеркало. Ей казалось, что оттуда доносится едва уловимый шорох, похожий на шелест листвы. Она резко обернулась, но в мастерской было тихо. Только дождь стучал по подоконнику, и где-то вдалеке выла сирена скорой помощи.

К вечеру дождь прекратился, уступив место холодному, пронизывающему туману. Алиса решила, что хватит. Она собрала сумку, накинула пальто и, бросив последний, почти суеверный взгляд на задрапированный тканью холст, вышла, поспешно захлопнув за собой дверь. Ей казалось, что, покидая мастерскую, она оставляет позади нечто большее, чем просто комнату с недоделанной работой.

Домой она возвращалась на автобусе, вглядываясь в мокрые сумерки за окном. Город казался декорацией, населенной призраками. Люди под зонтами смотрели в телефоны,

их лица, подсвеченные холодным светом экранов, казались неживыми, восковыми. Алиса чувствовала себя измотанной и опустошенной. Ей хотелось лишь одного: принять горячий душ, выпить кружку травяного чая и забыться в беспокойном, но всё же сне.

Квартира встретила её тишиной и теплом. Здесь, в её маленьком убежище на пятом этаже, всё было по-другому. Привычный уют, полки с книгами, мягкий диван, запах апельсинового диффузора. Здесь не было места мистике и старым зеркалам. Или она так думала.

Переодевшись в домашний халат, она отправилась в ванную. Щелкнул выключатель, заливая белое кафельное помещение резким светом. Алиса открыла кран и, наклонившись, плеснула в лицо холодной водой. Вода приятно обожгла кожу, смывая налет усталости и тревоги. Она взяла полотенце, вытерла лицо и подняла глаза к зеркалу над раковиной.

Её отражение смотрело на неё. Оно тоже только что умылось. Капли воды стекали по щекам и подбородку. Всё было нормально. Алиса выдохнула и усмехнулась своим страхам. Показалось. Конечно, показалось. Она потянулась за расческой, лежащей на полочке под зеркалом.

И в этот момент она заметила.

Её отражение моргнуло. Нет, не просто моргнуло, а сделало это с едва уловимой, микроскопической задержкой. Алиса замерла, глядя в глаза своему двойнику. Её собственные глаза были широко открыты, дыхание перехватило. Отражение сделало то же самое, но как-то... не синхронно. Это было похоже на плохой видеозвонок, когда картинка слегка запаздывает за звуком. Но здесь не было никаких помех связи. Только она и её двойник в зеркале.

— Это от усталости, — прошептала она, и её губы едва шевельнулись.

Отражение произнесло то же слово, но его губы двигались чуть медленнее, словно преодолевая сопротивление. Это было микроскопическое, почти незаметное глазу расхождение, но Алиса его видела. Она видела его так же ясно, как видела бы трещину на стекле.

Она резко подняла правую руку и помахала перед лицом. Отражение повторило жест. Но снова — с той же крошечной задержкой. Паника, холодная и липкая, начала подниматься из глубины живота, сковывая движения. Она резко отшатнулась назад, ударившись спиной о дверной косяк. Её отражение повторило это движение, но Алиса заметила, как оно на долю секунды задержалось в наклоне, словно изучая её из-

за зеркального стекла.

Она включила свет на полную мощность, до рези в глазах. Подошла к зеркалу почти вплотную, упершись ладонями в холодную поверхность. Её отражение сделало то же самое. Их носы почти соприкоснулись. Она вглядывалась в собственные зрачки, ища хоть какой-то изъян, хоть какую-то рябь, которая выдавала бы монитор или экран. Но нет, это было самое настоящее зеркало, и в нем было самое настоящее её отражение. Живое, дышащее, но живущее по каким-то своим, едва уловимым иным законам времени.

— Кто ты? — одними губами спросила она, не узнавая собственного голоса, лишённого звука.

Отражение, как ей показалось, едва заметно улыбнулось. Уголок его губ дрогнул в саркастичной, понимающей усмешке, которой не было на лице Алисы. Она отпрянула, как от удара током, и, не глядя больше в зеркало, выбежала из ванной, с силой захлопнув за собой дверь.

Сердце колотилось где-то в горле. Она прижалась спиной к стене в коридоре, пытаясь отдышаться. В квартире было тихо. Только из-за двери ванной доносился ровный шум воды — она забыла закрыть кран. Алиса заставила себя вернуться. Вошла, не глядя на зеркало, закрутила вентиль. Во-

да перестала литься, и в наступившей тишине она отчетливо услышала, как что-то скребется. Звук был едва уловимый, похожий на то, как ветка царапает оконное стекло в бурю.

Но в ванной не было окон.

Она замерла, прислушиваясь. Звук исходил от зеркала. Нет, не скрежет, а скорее... шепот. Тихий, неразборчивый, монотонный. Он был похож на шум радиопомех, на далекие голоса, доносящиеся сквозь толщу воды. Алиса заставила себя подойти ближе. Её собственное лицо, бледное, с лихорадочным румянцем на щеках, смотрело на неё из-за стекла. Губы отражения не двигались. Но шепот продолжался. Он звучал не снаружи, а где-то глубоко внутри неё, в костях черепа.

Слов она разобрать не могла. Это был не язык, а скорее его имитация. Набор шипящих, свистящих и гортанных звуков, складывающихся в обрывки фраз, ускользающих от понимания. Но интонация была пугающе осмысленной. Казалось, голос что-то объясняет, в чем-то убеждает или о чем-то предупреждает. Алиса закрыла уши ладонями, но шепот не стал тише. Он проникал внутрь, минуя барабанные перепонки.

— Перестань! — выкрикнула она, и звук её голоса, уда-

рившись о кафельные стены, на мгновение перекрыл шепот. Но как только эхо стихло, он возобновился, еще более настойчивый и вкрадчивый.

Она снова вылетела из ванной, на этот раз закрыв дверь на щеколду, чего раньше никогда не делала, живя одна. Руки дрожали. Она чувствовала, как по спине бегут мурашки. Весь мир за пределами квартиры перестал существовать, осталась только она и это наваждение.

Алиса прошла на кухню, налила себе стакан воды, но рука так тряслась, что вода расплескалась по столу. Она не могла понять, что происходит. Это было слишком реально для галлюцинации. Слишком физически ощутимо.

Она вспомнила про антикварное зеркало в мастерской. Неужели всё началось там? Неужели та трещина в реальности, которую она увидела утром, как-то перекинулась на неё, прицепилась, как вирус? Или наоборот, это её собственное расшатанное сознание начало проецировать хаос на отражающие поверхности?

Алиса попыталась успокоиться. Она сделала несколько глубоких вдохов, стараясь думать о чем-то отстраненном. О счетах, о завтрашнем созвоне с заказчиком, о том, что нужно купить хлеба. Но в голове крутилась только одна мысль: её

отражение больше не является ею.

Она не решилась идти в спальню. Вместо этого она придвинула кресло к окну в гостиной и села, обхватив колени руками. Свет она оставила включенным во всей квартире. Ночь за окном была черной и глухой. Туман поднялся, поглотив фонари, и мир сжался до размера её освещенной гостиной.

Тишина давила. Но она была лучше, чем тот шепот. Алиса боялась даже дышать громко, прислушиваясь к каждому шороху в квартире. Старый дом жил своей жизнью: где-то скрипнула половица, где-то едва слышно загудел лифт, у соседей за стеной бубнил телевизор. Эти звуки успокаивали, возвращали в реальность.

Она размышляла о природе зеркал. Люди смотрятся в них каждый день, не задумываясь о том, что происходит по ту сторону стекла. Зеркало — это ведь не просто отражающая поверхность. Это граница, порог, за которым начинается что-то иное. Во всех культурах зеркала наделялись мистическими свойствами. Их завешивали, когда в доме покойник, чтобы душа не заблудилась в зазеркалье. В них гадали, вызывали духов, боялись разбить. Что, если все эти суеверия имели под собой реальную основу? Что, если зеркала — это не просто стекло с амальгамой, а нечто большее, нечто, что

мы не в состоянии понять?

Алиса отогнала эти мысли. Она художница, человек рациональный, несмотря на творческую профессию. Она не верит в мистику. Но то, что она видела сегодня, не поддавалось рациональному объяснению. И это пугало больше всего.

Затем, около двух часов ночи, когда усталость всё же начала одолевать её, и веки стали тяжелыми, она снова услышала это.

Шепот вернулся. Но теперь он звучал громче и отчетливее. Он доносился не из ванной, а отовсюду. Из стен, из вентиляции, из-под пола. Алиса подняла голову. Сначала ей показалось, что это снова игра воображения. Но затем она увидела.

Большое зеркало в прихожей, которое она проходила сотни раз в день, не замечая, теперь светилось. Из-за его поверхности, из той самой амальгамы, пробивался слабый, мертво-бледный свет. Он пульсировал, словно сердце какого-то неведомого существа, заключенного в стекле. Свет был холодным, заставляющим воздух в комнате, казалось, остыть на несколько градусов.

Алиса замерла в кресле, боясь пошевелиться. Свет стано-

вился ярче, а вместе с ним усиливался и шепот. Теперь она могла разобрать отдельные слоги. Это звучало как её собственное имя, произнесенное с вопросительной интонацией. "Али-са... Али-са... Али-са..."

Она зажмурилась, зажимая уши руками. "Это сон, — говорила она себе. — Это просто кошмар. Сейчас я проснусь".

Но она знала, что не спит. Слишком остро она чувствовала холод, проникающий сквозь шерстяной плед, которым она укрылась. Слишком отчетливо слышала, как тикают часы на стене.

Свет в прихожей мигнул и погас. Шепот оборвался так внезапно, что в ушах зазвенела звенящая тишина. Алиса медленно открыла глаза. В зеркале больше не было света. Там была только темнота.

Дрожа всем телом, она встала с кресла. Ей нужно было увидеть. Нужно было доказать себе, что это всего лишь трюк света, отражение уличного фонаря или неисправная проводка. Она медленно, шаг за шагом, двинулась в сторону прихожей. Ноги были ватными, не слушались.

Она не стала включать свет. Просто подошла к зеркалу и заглянула в него.

Там, в глубине, где её собственное отражение превратилось в смутный, едва различимый силуэт, она увидела сад. Тот самый сад из антикварного зеркала. Туман стелился по земле, деревья сгибались под невидимым ветром. А на переднем плане, прямо за стеклом, стояла она сама. Только не в старом халате и с растрепанными волосами, а в чем-то длинном, темном, похожем на старинный плащ. В её волосах запутались сухие листья, а глаза... Глаза были черными, как два провала в бездну. Она улыбалась, обнажая зубы, и протягивала руку к стеклу, к Алисе, стоящей снаружи.

Алиса отпрянула назад, споткнулась о порожек и упала на пол. Она сидела в темноте прихожей, не в силах отвести взгляд от зеркала. Её собственная рука, поднятая в оборотительном жесте, отражалась в темной поверхности. И эта рука, она была уверена, двинулась с той же самой, едва уловимой задержкой.

А потом она услышала стук. Тихий, вежливый стук. Он доносился не из зеркала, а от входной двери.

Стук повторился. Кто-то — или что-то — стояло за дверью её квартиры. В три часа ночи. В тот самый момент, когда она увидела зазеркальный сад.

Алиса замерла, чувствуя, как ледяная ладонь страха сжимает её сердце. Стук стал настойчивее. Он был медленный, размеренный. Тук. Тук. Тук.

Она смотрела на дверь, не в силах ни подняться, ни ответить. Она знала, что не должна открывать. Знала каждой клеточкой своего существа. Но стук продолжался, и вместе с ним возобновился тот самый шепот, доносящийся теперь уже из зеркала.

"Впусти...пусти...пусти..." — шипел голос в её голове.

Этот голос был ей знаком. Это был её собственный голос.

И когда дверная ручка медленно, со скрипом, начала поворачиваться, Алиса, наконец, обрела способность двигаться. Она поползла назад, прочь от двери, прочь от зеркала, вглубь своей собственной квартиры, которая вдруг перестала быть убежищем, превратившись в ловушку. Туман снаружи, казалось, просочился в комнату, и воздух стал вязким и холодным. Алиса спиной вжалась в стену, зажмурившись и закрыв лицо руками, отгородившись от реальности, которая рассыпалась на глазах, словно старая фреска, обнажая под собой черную, зияющую трещину. И в этой трещине, она чувствовала, таилось нечто, что знало её имя и терпеливо ждало, когда она сорвется в эту бездну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.